

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Владимира Привалова
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Цикл
«ХОЗЯИН ГОР»

**ПОЧЕТНЫЙ ПЛЕННИК
КРОВЬ ДАНОВ**

Владимир ПРИВАЛОВ

КРОВЬ ДАНОВ

Роман

Москва, 2020
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П75

Серия основана в 2004 году
Выпуск 725

Художник
И. Воронин

Привалов В.
П75 Кровь данов: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 282 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-3138-0

В свои тридцать шесть Антон неожиданно-негаданно очутился в теле десятилетнего мальчика, сына правителя далекой горной страны иного мира. Теперь он прибыл в соседнюю могучую Империю в качестве почетного пленника или заложника. Изогранные интриги имперской знати грозят втянуть его в водоворот смертельно опасных событий. Ведь вряд ли кто из опытных имперцев, облеченных властью, станет опасаться какого-то дикаря-малолетку, тасуя колоду для мудреного пасьянса из судеб и жизней множества людей... Но кровь правителей-данов, что течет в жилах юного горца, не даст врагам победить.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3138-0

© Владимир Привалов, 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ГЛАВА 1

Атриан, столица провинции Атариан

Олтер

Я проснулся и не сразу смог понять, где нахожусь. Очнулся рывком, мигом вынырнув из глубокого сна без сновидений. Беззаботный солнечный зайчик, запутавшийся в густой тени дерева за окном, метался по стене. Наверное, это он меня и разбудил. Где-то рядом привычно сопел дядька Остах.

Так, где это я?

Слишком многое произошло со мной за последнее время, слишком часто я просыпался в новых местах.

Неожиданное падение со скалы и попадание в другой мир, в тело десятилетнего горца, перечеркнуло прежнюю жизнь. Усмешкой богов — или действием неведомых законов — мое сознание попало в тело мальчика в тот момент, когда он тоже падал со скалы. Наставник Остах, единственный, кому я открылся, утверждал, что таким чудесным образом спаслись мы оба. Иначе я-мы не выжили бы. Спорить с этим сложно: момент попадания почти стерся из памяти. Падение, а потом боль, темнота, горячка и бред, пока два наших сознания сплавлялись в единое целое.

Мой старший брат-близнец, настоящий Олтер, должен был на длительное время покинуть родные горы и отправиться на обучение в Империю, с которой граничила наша горная страна Дорчариан. Это давнее обязательство имело силу закона: наследник правителя отправлялся почетным пленником в пограничную провинцию Атариан. Наследнику предписывалось жить в семье наместника провинции и учиться в престижной школе. Традиция оставалась неизменной сотни

лет, пока ее не прервал наш дед, легендарный Эндир Законник. Он отыскал первоначальный договор и выяснил, что единственный сын в правящем роду может остаться дома, с родными. Поэтому наш отец, дан Рокон, был одним-единственным сыном. А двоюродный дедушка, танас Гимтар, остался бездетным и так и не женился. А с нами вышла промашка — родилась двойня: Олтер и Ултер, Правый и Левый. Имена нам дал дед, тот самый Эндир Законник! А Законником его прозвали в Империи, где он отучился в той же школе, в которой теперь и мне предстоит постигать азы наук. Но я забегаю вперед.

После падения я не смог подняться, не мог ходить. Что было тому причиной — повреждение позвоночника или сильный ушиб — никто не знал. Ноги не потеряли чувствительности, я шевелил пальцами, но остальное... Ни поднять ноги, ни согнуть в колене не получалось. И травники дорча ничем не смогли мне помочь. Кроме того, увечный сын правителя бросал тень на самого дана.

Поэтому Гимтар — советник моего отца и его родной дядя — придумал хитрый план. Меня отправили в Империю, рассчитывая на тамошних светил медицины. И чтобы горским старейшинам хворый сын вождя глаза не мозолил. А брата оставили в горах: все равно нас, кроме кормилицы Байни и Остаха, никто не различал. Так Младший стал Старшим, Левый стал Правым, а Ултер стал Олтером.

Потом был прощальный пир на летней вилле, скрипучая арба с большими колесами, нападение гворча на рассвете, постоянные дворы и ночевки в полях... Въезд в Атриан, столицу провинции, и определение меня в Имперский провинциальный госпиталь. Окончательно вспомнив, где я и что здесь делаю, я потянулся изо всех сил, выгнулся на мятых простынях и сладко зевнул. И замер. Не сразу поняв, что меня насторожило, я слегка испугался. Было что-то новое. Боясь ошибиться, я попытался ногой оттолкнуть сбившуюся в ком простыню. Получилось! Комок развернулся и упал на пол. В утреннем свете кружились вспугнутые пылинки. Посмотрев на их хаотичное мельтешение, я медленно спустил ноги с кровати и коснулся пола. Мраморный, с темными прожилками, про-

хладный пол приятно охлаждал босые ступни. Держась за стену у изголовья, я осторожно встал с кровати.

Все было хорошо, и ноги послушно держали меня. Все было как прежде, как и должно было быть. Не отпуская стены, я сделал первый шаг. Потом другой, третий. Не веря самому себе, преодолел половину просторной комнаты. Вдруг мышцы левой ноги задрожали, и нога словно подломилась.

Я успел представить, как падаю лицом вперед на этот замечательный гладкий мраморный пол, но меня удержали, крепко ухватив под мышками.

— Не бойся, — произнес знакомый голос. — Все хорошо, Оли. Я здесь, парень. Я держу тебя.

Я почувствовал, как Остах приподнимает меня, собираясь отнести назад.

— Подожди, Остах. Я сам. Просто мышцы ослабли и разучились работать. Надо им немного помочь. Просто придержи.

— Держу, парень. Всегда.

Я развернулся, чувствуя на плечах надежные руки наставника, и прошагал расстояние обратно до кровати, рухнув на нее. Ноги ходили ходуном, но я улыбался.

— Отец Глубин, Всеблагой, Защита в Ночи, возношу тебе славу. Пусть светит маяк, пусть мели исчезнут, пусть рифы по борту... — услышал я тихую скороговорку дядьки.

— Остах, — я перевернулся на спину и обратился к наставнику, — я же по земле хожу, не по морю. Ну при чем тут Отец Глубин?

— А ты пошути, пошути, — перестав шептать, ласково попросил наставник. — Ходить начал? Вот и выпорю — задница уже не так нужна, — сидеть-то незачем. А спать и на животе можно.

«Блефуешь, — подумал я. — Никогда нас с братом не порол, только подзатыльниками ограничивался».

— Прости, дядька Остах, — на всякий случай повинился я. — Не подумал.

— А ты подумай, подумай. Над чужими богами смеяться — какому мальчишке такое в голову придет? Без головы же можно остаться.

Прекратив наш тихий разговор, Остах резко обернулся. У входа, в дверном проеме, стояли Йолташ и Барат, раскрасневшиеся и радостные.

— Ты снова ходишь, Оли! — восторженно крикнул Барат. — Я же говорил! — ткнул он брата под ребра.

Йолташ молча стукнул брата в ответ.

«Хорошая у нас все-таки компания», — подумал я, разглядывая неподдельно счастливые лица своих охранников. Под кроватью заскреблись, и на белый свет показался Кайхур, сонно щурясь. Слегка завывая, он широко зевнул, показав розовую пасть с рядом острых маленьких зубов. Глядя на него, братья рассмеялись.

— Вы что ввалились? — рявкнул на них дядька, отбросив сантименты. — Службу забыли?

Поддерживая его негодование, Кайхур сипло твякнул, злобно поднимая шерсть на загривке.

— Там этот пришел... — смущенно ответил Йолташ, — колдун.

— Черный целитель, — поддакнул Барат, понизив голос. — Пусть заходит?

Я сел на край кровати, разгладив складки вокруг. Остах махнул рукой, то ли прогоняя своих учеников, то ли призывая скорее привести лекаря. Братья не растерялись, и вскоре на их месте показалась огромная фигура Туммы. Войдя, он безошибочно повернул голову в мою сторону и подошел к пустующему со вчерашнего вечера столу, на котором мял мне спину. Сегодня его повязка, что скрывала слепые глаза, была ярко-алой.

— Доброе утро, маленький господин, — густым низким голосом произнес он, слегка прихлопнув ладонью по столу. Потом повел плечами, принюхался и подошел вплотную ко мне. Остах сердито засопел, но промолчал. Братья, опять замаячившие на входе, старались казаться незаметными, чтобы учитель их не выгнал, и во все глаза наблюдали за происходящим. А умный Кайхур сел у ног Остаха, чтобы не мешать, и внимательно разглядывал всех.

Тумма, нимало не смущаясь, подогнул колени и сел прямо на пол передо мной. Взяв мою левую ногу, он поставил ступ-

ню себе на переднюю часть бедра и слегка пробежался пальцами по моей гудящей от напряжения ноге.

— Хорошо! — торжественно, словно жрец в храме, произнес он. Барат и Йолташ даже дышать забыли, слушая колдуна. — Добрая кровь осталась, злая кровь ушла!

«И куда она могла уйти?» — мелькнула у меня дурацкая мысль.

Словно подслушав меня и желая проучить, Тумма ткнул костяшками согнутых пальцев под коленку. Против воли нога дернулась, разогнувшись, и я пнул Тумму в живот. Тот и бровью не повел. А пресс у него оказался твердым, словно из дерева. И как я ногу не зашиб?

«Да этот Айболит доморощенный проверяет коленный рефлекс!» — догадался я.

Тем временем Тумма, что-то напевая на своем мелодичном языке себе под нос, хорошенько растер меня от голеностопа до таза. Ногу словно ошпарили. Затем лекарь пробежался по всем мышцам, слегка прихватывая и встряхивая их. Потом с другой ногой проделал те же манипуляции.

Закончив, он повернул свое широкое лицо с ярко-алой лентой поперек глаз к Остаху и сказал:

— Сначала мало ходить. Потом — больше. Бегать не сразу, прыгать не сразу. Пусть ноги привыкнут, пусть вспомнят.

— Спасибо, — глухо ответил наставник.

— Моих сил немного, — пожал плечами темнокожий гигант. — Маленький господин сам изгнал плохую кровь. Он сильнее, чем кажется.

Лестно слышать такое от силача Туммы! Кайхур забавно чихнул, словно подтверждая слова массажиста.

— Поднимись, — попросил я. Целитель все это время продолжал коленапреклоненно сидеть на полу, отчего мне было неловко.

Вместо этого Тумма низко поклонился, коснулся лбом пола и громко — так что Барат и Йолташ встрепенулись — торжественно произнес:

— Олтер, сын Рокона, наследник дана Дорчариан! Во исполнение древних обетов между нашими странами, высокородный Сивен Грис ждет тебя в своем имении. Будь нашим гостем, Олтер, сын Рокона!

Произнеся это заученное повеление-приглашение, Тумма поднялся с колен и добавил:

— Хозяин ждет, маленький господин.

А какое замечательное было утро! Как хорошо оно начиналось и какой славный день сулило! Посулы оказались пустыми обещаниями. Настроение мое испортилось, я тяжело вздохнул.

— Вот гад! — возмутился Остах на дорча, вторя моим мыслям.

А Кайхур и вовсе завыл.

Земли Дорчариан. Где-то рядом с селением Ойдетта
Ултер

Ули сидел на невысокой деревянной приставной лесенке из трех ступенек рядом с повозкой главы Суда Хранителей. Мало кто в горах помнил, как эта имперская повозка оказалась у Хродвига и как она превратилась в дом на колесах. Но теперь любой горец, издали завидев приметный силуэт, мог знать, кто к ним пожаловал.

Ули сидел на верхней ступеньке и думал о знаменитом хозяине повозки. О Хродвиге, своем прадеде и главе Суда Хранителей. Когда Хродвиг вдруг внезапно упал в овраг, Ули растерялся. Освобожденные пастухи успели поймать старика, и он не расшибся. Когда прадеда вытащили и он стал говорить Хоару бессвязные, непонятные слова, Ули стало жалко прадедушку.

А когда тот замолчал и откинулся назад, Ултер даже пустил слезу. Нечаянно — в глазах защипало, и слезы сами потекли по щекам. Прадедушка казался тогда таким добрым, и так его было жалко!

«Добрый-добрый, как же...» — подумал Ули, потер ушибленное плечо и глянул назад. Дверца распахнута настежь, и дневной свет освещал все, что обычно скрывали. Хродвиг мельком взглянул на правнука и звонко закричал:

— И где этот толстозадый Эйдир, клиббы вас задери! Долго я буду ждать?

Один из чернобурочников низко поклонился лежащему в повозке Хранителю, укрытому буркой, и вскочил на коня.

«Вон как все забегали», — подумал Ули, заново осматривая поляну вокруг, которая так ему понравилась раньше. Все так же крутились водяные колеса, так же висели над водопадами радуги, но очарование места ушло. Сейчас оно напоминало развороченный муравейник. Из леса выводили спасенных из оврага пастухов и усаживали под одним из навесов, рассаживая по бревнам, валунам, по расстеленным прямо на земле шкурам.

«Как прадедушку-то несли, какие все медлительные и величавые были. А сейчас носятся — как ужаленные в мягкое место», — Ули припомнил недавний торжественный выход на поляну.

Впереди медленно шагал Хоар, с прямой спиной и высоко поднятой головой. За ним нога в ногу шли охранники. Тело прадедушки, укутанное в его любимую бурку, они бережно несли на руках.

«А я, как дурачок, позади шел и слезами заливался».

Немой, увидев их, замычал что-то, замахал руками и принялся носиться вокруг тела, как бестолковая собачонка.

«Это он, наверное, прадеда и разбудил», — подумал Ули и недовольно посмотрел на возницу. Немой ухаживал за лежащим пастухом. Приподняв ему голову, поил его из глиняной плошки.

Когда Немой замычал совсем горестно и громко, Хродвиг вдруг закашлялся и завопил в руках чернобурочников. Те от неожиданности чуть не выронили Хранителя.

«А надо было», — подумал Ултер и опять потер плечо.

Хродвига тогда быстро уложили на сундуки, сложенные кроватью. Хоар тряпичной протер кровь с его лица и какой-то тягучей смолой замазал глубокую царапину на лбу.

Тогда-то это и произошло. Хродвиг незаметно вцепился в посох, прислоненный к повозке, и как огреет Хоара по спине! Раз, другой...

— Привык за столетним стариком присматривать! — сипел прадед. — Мышей не ловишь?! А наследник в горах с Джогу-Вара шляется?!

А Ули взял и подошел поближе. Захотел посмотреть, как воскресший Хранитель Хоара уму-разуму учит. Такое не каждый день увидишь. А прадед раз — и ему посохом заехал, по

плечу попал. И откуда только силы взялись? Только что помирать собрался!

— А ты, правнучек, как у Джогу-Вара оказался?

Ули отбежал, а у Хродвига кончились силы, и он откинул посох. Хоар как ни в чем не бывало хлопотал над Хранителем, перебирая в седельной сумке какие-то порошки.

И теперь лежащий старик, удерживая в одной руке чашу с заваренными травами, отдавал приказы. И первым делом он велел Ули сесть рядом и никуда не отходить.

— Что, уже жалеешь, что я не мертвый? — насмешливо спросил Хродвиг.

— Нет, — покраснел Ултер.

— Это ничего. Ничего, — сказал Хранитель, ставя чашу с отваром подле себя. — Мне не впервой. Уже бывало такое, когда я был мертвым. Больше месяца никто не видел меня в мире живых...

— Как это? — удивился Ултер и развернулся к прадеду: — И где же ты был?

Он уже не так сильно злился.

— А тебе интересно? — прищурился Хродвиг. И улыбнулся. — Рассказать?

— Конечно! — с жаром воскликнул Ули. Теперь он совсем уже не злился на прадеда. Ну, ударил чуть-чуть. И не больно совсем.

— Я же не должен был стать даном, парень, — начал свой тихий рассказ Хранитель. — У меня была большая семья: мама, папа, братья, сестры. Вместе с другими старшими братьями я уже ходил на охоту. Старшие сестры готовились уйти в другой род. А младшие братишки и сестренки были еще несмышленишками...

— Твой папа — дан Дорчариан?.. — прошептал Ули. Он боялся разгневать прадеда, но не удержался.

— Нет, мой папа не дан Дорчариан. — Хродвиг не рассердился, и Ули перевел дух. — Мой отец — родной брат дана. Наша большая семья жила с его большой семьей под одной крышей. И жили мы дружно, весело и горой вставали друг за друга, так что враги стороной обходили нас. И боялись даже посмотреть на наши земли.

Хродвиг закрыл глаза, пожевал губами. Потом отпил из чаши и продолжил:

— Но вот однажды в нашу горную неприступную крепость пришла женщина. Не молодая и не старая, она пришла просить работу. Я даже не видел, как она выглядит, а ее печали совсем не волновали меня. Ни дан, ни мой отец не дали ей работы — у нас были большие семьи и полно рабочих рук. И она ушла. Подослали ли ее враги дана из соседних племен? Или прислала сама Империя? Может, это была сама Йотль? Я не знаю. Мне известно лишь, что эта женщина ушла, а болезнь, которую она принесла, осталась. Через седмицу у всех в крепости зачесались подмышки, а в них начали расти мозоли. Это была Черная Смерть, мальчик.

Услышав это название, Ултер вздрогнул и поежился. Кормилица Байни давно, когда они с братом были еще маленькими, рассказывала на ночь страшные сказки и истории. И самыми жуткими были истории про Черную Смерть, от которой нет спасения. Ули передернул плечами.

— Вижу, ты слышал про нее, — заметил его движение Хранитель. — Наш дан был крепким правителем. Он повелел заложить ворота крепости и поднять над ней черную шкуру, чтобы все видели, что дело плохо, и остереглись. Мать Предков уберегла тогда своих детей, и зараза не выбралась из крепости. Но все в ней умерли. Кроме меня. Сначала маленькие, потом старшие. Я приносил им воды — кушать никто не хотел. Ко мне болезнь не прикоснулась. Последней умерла мама. Я уже даже не помню ее лица. А вот то, что она не хотела оставлять меня одного и все не умирала, я помню. Я сидел подле нее. Сил не было, даже чтобы говорить. Я уже уложил всех в своих покоях: братьев, сестер, слуг, правителя... Всех. Не хватало только мамы. Я сидел подле нее с кувшином воды и ждал.

«Сказки Байни не такие страшные», — подумал Ули. Своей мамы он не помнил, она умерла после родов, им с братом рассказывали об этом. Но слушать про маму Хродвига было страшно.

— А когда она отошла, у меня уже все было готово. Я полил дрова маслом — всем, что нашел. У дана оказался бочонок с земляным маслом. Столько лет прошло, а я до сих пор помню,

как оно странно пахло... Я взял факел и шел из комнаты в комнату, поджигая их. Чтобы Черная Смерть оставила это место и покинула Декурион.

«Так это был Декурион!» — подумал Ули, вспоминая холодные и темные коридоры со сквозняками, ледяные скаты ущелий и зимние тяжелые тучи вокруг. Теперь понятно, откуда подпалины на стенах и закопченный потолок в местах, где не разводили огонь!

— Потом я снял черную шкуру с шеста, накинул ее себе на плечи и перелез через стену.

«Неужели эта шкура — та самая?» Ултер невольно с опаской посмотрел на черную бурку старика. Хродвиг перехватил его взгляд и ухмыльнулся.

— Что ты! — сказал он, перебирая курчавую шерсть. — Та шкура потерялась в глубине лет. Не помню, что с ней стало. Может, я оставил ее там? — спросил сам себя Хродвиг и задумался.

— Где?.. — шепотом спросил Ули, когда ждать стало совсем невозможным.

— Как — где? — очнулся Хродвиг. — В Городе мертвых, конечно.

— Но как ты там оказался? — удивился Ули.

— Ты забыл, мальчик, о чем мой рассказ? — спросил Хродвиг. И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Я спустился с крепостной стены, оставив позади дымящийся родной кров. Шел лесами, издали обходя селения, боясь принести людям Черную Смерть. Все не мог забыть погибшего дана. Помнил, как он велел заложить ворота и не разрешил своим детям выйти... Он был крепким. Крепким, как наши горы. Не то что нынешние имперские неженки... Мне нужно было сделать так, чтобы все это было не зря. Не помню, как я нашел дорогу к Городу мертвых. Сама Мать Предков вела меня. Я прошел сквозь деревню молчальников — и они все поняли, не остановили одинокого путника. Новости в горах расходятся быстро... — Хродвиг поправил сползшую бурку. — Лишь один из молчальников, седой старейшина, издали указал на Дом в Городе мертвых. Дом построили для дана, но ему уже не суждено оказаться там: его тело я сжег в Декурионе. И тогда я вошел в этот Дом — молчальники недавно окончили стройку,

и Дом был пуст. Ни одного тела, никаких костей. Только я. Я лег у подножия трона. Каждое утро у порога мне наливали в кувшин воды. И клали хлеб.

— Может, я потому и прожил так долго, что смерть запомнила про меня, решив, что я давным-давно умер? — спросил Хродвиг сам себя. И забормотал: — Может, и для тебя...

Он вновь замолчал.

— И как ты стал даном? — после долгого молчания спросил Ултер.

— Это уже другая история. Я оказался единственным уцелевшим из даипа дана Дорчариан. Волей Матери Предков старший сын дана в Империи вскоре скончался. Кровь данов, мой мальчик, привела меня к власти. Кровь данов... — вновь забормотал старик, и Ули заерзал на месте.

— Не можешь усидеть спокойно? — Хродвиг вновь обратил свое внимание на Ули. — Тогда иди позови мне Хоара и вели собрать всех. Кроме этих, болезненных. — Он кивнул в сторону пастухов.

Ултер одним махом слетел с лесенки и вприпрыжку бросился к Хоару, который на берегу ручья беседовал о чем-то с Аскодом Гворфом.

ГЛАВА 2

Атриан
Олтер

Мы готовились к визиту в имение наместника. После недолгих споров я решил одеться в горскую одежду, а не наматывать вокруг себя полотнище на имперский манер. Я пригладил волосы, поправил на груди серебряную фибулу-застежку плаща, отороченного опушкой на горский манер. Специально не стал цеплять на себя все те украшения, которые Остах принес в комнату перед выходом. В продолговатой шкатулке лежали насыпью набросанные без вкуса браслеты, серьги, венки и диадемы, цепочки. Времени и желания распутывать их и оценивать не было, но я успел мельком отметить красоту и изящество некоторых вещей.

— Откуда? — спросил я у Остаха.

— Гимтар дал, — пожал плечами Остах. — Сказал, тебе нужно будет...

— Нужно, нужно, — поворчал я, копошась в шкатулке. Превращаться в попугая в мои планы не входило. Скромность и достоинство — вот впечатление, которое я хотел произвести на окружающих. Достоинство и скромность. Представив себя с ручными браслетами, которые явно были мне велики, с диадемой на голове, сползающей на лоб, и ожерельем на худой мальчишечьей шее, я громко фыркнул. Выудил из шкатулки фибулу из потемневшего серебра в форме дубового листа, слегка изогнутого, сужающегося к краю, с черешком, в котором пряталась застежка. Тяжеловесность, функциональность — края плаща надежно запахнуты — и красота. То, что надо. Шкатулку я закрыл и отдал Остаху обратно. Тот покачал ее в руках и с недоумением глянул на меня. Однако затем, осмотрев от макушки до пят, одобрительно кивнул. И ушел прятать шкатулку.

Одет я был по-горски просто: легкие кожаные сапожки, суконные шаровары, простая рубаха, подпоясанная широким кожаным ремнем с металлическими вставками. На пояс я подвесил кинжал, подаренный Баратом.

«Все куплю — сказала золото, все возьму — сказал булат, — подумал я, поправляя перевязь. — То-то же, знай наших!.. А ведь так и не успел отдариться за нож», — мелькнула запоздалая мысль.

Нож был простенький — а какой еще мог быть у Барата? — но тяжелый, серьезный, боевой. Кому надо, тот поймет. Клинок явно был великоват и скорее походил на короткий меч, с которыми мы тренировались с братом в горах. При мысли о брате сердце привычно сдавило — отсутствие новостей после утреннего нападения гворча в предгорьях и тревожные сновидения с мумиями, Хродвигом и братом не добавляли оптимизма.

«И при чем тут старый Хродвиг? Старик сам как мумия».

Я специально оделся нарочито по-горски. Во-первых, это очень удобная одежда, и я к ней привык. Во-вторых, хотел показать окружающим, что я горец и нисколько этого не скрываю и не стыжусь. Я придиричиво оглядел себя в начищенный блестящий лист металла. Изображение расплывалось, но за

неимением гербовой... Зеркало мне все равно не изобрести. Ну, знаю я слово «амальгама» — и что? Это единственное, что я могу глубокомысленно брякнуть в разговоре о зеркалах. Только с кем здесь вести этот самый разговор? Я тяжело вздохнул, и мы двинулись к выходу.

После недолгого совещания решили, что в путь лучше отправиться на каталке. Пока мышцы не пришли в тонус, нагрузку лучше нормировать. Поэтому сейчас я восседал в кресле, которое вез Барат. Прохожие удивленно оборачивались вслед, но я не обращал на подобные пустяки внимания. Хотя процессия у нас и вправду получилась презанятная.

Впереди, возвышаясь над толпой, вышагивал слепой Тумма в своей алой повязке поверх глаз. Удивительно, но шел он без поводья и трости, и вполне уверенно. Его походка напоминала кошачью — напряженные, наполненные внутренней силой движения, грациозность и чувство равновесия. Слепота ли выработала в нем энергию и уверенность, которую он излучал, или лекарь всегда был таким — неизвестно, но прохожие шарахались от него во все стороны, стараясь оказаться подальше и не попасться под ноги. За Туммой вышагивал Йолташ, с бесконечным презрением и превосходством горца рассматривая горожан. Впрочем, он немного переигрывал, выпятив нижнюю челюсть, изображая свирепого дикаря. Следом ехал я в кресле-каталке. Барат привычно занял место за моей спиной и взялся за управление. Замыкал шествие Остах, особо не выделяясь на фоне приметных братьев. Старика Ллуга со слугами оставили в госпитальной гостинице вместе со скарбом, тем более что за сегодняшний день уже уплачено. Кайхура пришлось оставить там же. Щенок долго и возмущенно гавкал, не желая расставаться, а мои уговоры игнорировал. Но кто знает, какая встреча нас ждет? Прийти на торжественное мероприятие с щенком-альбиносом, который любит при случае откусить противнику палец... Думаю, это перебор.

Остах объяснил, что идти (в моем случае — ехать) недалеко. Все государственные и провинциальные учреждения находятся рядом друг с другом, в условном «правительственном квартале». Самые главные возвышаются на центральной площади, обрамляя ее своими фасадами и парадными входа-

ми с широкими ступенями, на которые во время празднований или гуляний любят усаживаться горожане.

Величественные здания резиденции наместника, Провинциального архива, Канцелярии наместника, храма Пагота и широкий крытый рынок с продовольственными складами напротив составляли единый архитектурный ансамбль центральной площади Атриана. Вечером площадь закрывалась, Внутренняя стража устанавливала рогатки на улицах и охраняла имущество правительственного квартала, а также покой наместника, его многочисленных домочадцев и немногих служащих, что жили там же, где работали.

После прозвучавших из уст Туммы слов официального приглашения наместника я становился его гостем. Видимо, последнее покушение в мастерской колесника вынудило Сивена Грису перевести меня поближе, себе под крылышко. Не мог же он так оперативно узнать, что я вдруг стал ходить?

— А где живут остальные учащиеся? И вообще, много их? — поинтересовался я у Остаха.

— Сейчас — не знаю, — пожал плечами Остах. — Давненько меня здесь не было... Когда Эндир учился — народу было много. Больше сотни. А как сейчас дела обстоят... Думаю, еще больше. Нынешний наместник деньги любит.

— А при чем тут деньги? — удивился я.

— Как при чем? — хохотнул Остах. — Это же Школа наместника! Школа наместника, это тебе не баран икнул! Провинция Атариан, может, и не самая богатая в Империи, но и не самая бедная — уж точно. И учиться в Школе наместника... Без окончания школы в Арнский университет не поступить. А без университета хорошей, сытной должности не получишь. Только в армии если... Но и командирское место проще после Школы получить. Вот и шустрят родители, чтобы сыночков пристроить. А обучение денег стоит, и немалых. Тех монет, что ты Буддалу вернул, на полгода, глядишь, и хватило бы.

«Все не может забыть денег, что я купцу в рост отдал», — отметил я про себя. Кстати, надо бы братьев за новой партией иван-чая послать. Сразу же, как на новом месте освоимся.

— Буддал что-то про своего сынка рассказывал, который тоже в школу идет... — вспомнил я.

— Ага, — согласился дядька. — Фиддал. И жить будет там же, в имении — за это отдельная плата с родителей положена, кстати. Вот и спросишь у него, сколько это удовольствие стоило его отцу. Хорошо у Буддала дела идут, — задумчиво сказал Остак. — Старшего-то сына пристроить не смог — денег не хватило. А на младшенького расщедрился...

— Будет с нами работать — еще богаче станет, — уверенно сказал я. Моя каталка подпрыгнула на ухабе, и я чуть не прикусил язык.

— Ну-ну, — хмыкнул Остак, искоса бросив на меня насмешливый взгляд.

— Прости, Оли, — пробасил у меня за спиной Барат. — Не заметил камня, из мостовой вывалился...

— А вы-то где жить будете? — подумал вслух я.

— Увидим. Если ничего не поменялось, тебе маленький дом выделят, а там и мы с тобой. По соседству с другими богатыми. Ты же почетный гость — ни за что не платишь: ни за обучение, ни за жилье.

— Почетный пленник, скорее. А пленников любят поближе держать. В дом к наместнику не законопатят?

— В имение? — развеселился Остак. — Чтобы Сивен тебя поселил в имении — это нужно, чтобы небо на землю упало. Он не очень-то любит неграждан.

— Я для него — вонючий горец? — догадался я. — И обуза? Остак опять покосился на меня.

— Когда заново привыкну с тобой говорить? — сам себя спросил Остак. — Все верно: и про вонючего, и про обузу. На радость наместника, в этом году помимо тебя в Школу еще почетных... школьников определили. Буддал говорил — очень это Сивену не понравилось.

— И откуда они нарисовались? — удивился я. — У кого-то из соседей тоже детей в заложники берут?

— Берут, — зло дернул щекой Остак. — Арна подсуетилась — решили всех почетных пленников, как ты называешь, не в разных школах держать, а в одной.

— Понятно, — кивнул я.

— Об Эндире многие слышали. Наверное, поэтому атарианскую школу и выбрали. Так что теперь малолетние сыновья

местных рексов, что дела с Империей имеют — с тобой будут учиться. Гордись!

«У бабы не было печали — купила баба поросю».

За этими разговорами мы незаметно преодолели расстояние от госпиталя до площади. Чем ближе к площади мы подходили — тем теснее становилось. Стремительное перемещение из гор в Атариан, нападения на меня, следующие одно за другим, мои тревоги и невеселые мысли лишили меня возможности с толком и расстановкой оглядеться по сторонам. От увиденных мельком городишек и городков у меня сохранилось одно впечатление — ощущение тесноты. Стены, стены и стены кругом, узкие улицы, нависающие карнизы крыш и стесненное, ужатое небо над всем этим. После гор, с их бескрайней небесной ширию над головой, городские пейзажи меня порядком угнетали. Правда, госпитальные хоромы и открытый двор, где я принимал бесполезные нефтяные ванны, немного поменяли мое представление. Или все объяснялось проще — лежа в ванне, можно было разглядывать далекие горы на горизонте?

Благодаря вышагивающим впереди Гумме и Йолташу мы продвигались без задержек. И даже ничью ногу не отдавили чудо-каталкой. Народ здесь был простой, неискушенный. Увидев нашу процессию, люди останавливались, ставили свои котомки и корзины с провизией на мостовую и глядели во все глаза, тыкая пальцами и хватаясь за голову.

Наконец здания расступились, и мы вышли на площадь. Неба над головой сразу стало вдосталь, и дышать стало легче. Грубую брусчатку улицы сменил знакомый по госпиталю гладкий мрамор. Кое-где на плитах виднелись высеченные цифры. Народ сновал по площади, торопясь к торговым рядам, которые галереей опоясывали одну из сторон площади, или неторопливо шел от них, груженный поклажей.

— Нам сюда, мой господин, — подошел Гумма и махнул рукой вправо.

«Интересно. Слепой же — а как свободно ориентируется. И рукой машет уверенно».

Впрочем, заблудиться здесь трудно даже слепому. После узости улиц следовало пройти вдоль длинного здания с широкими ступенями и дойти до ворот с каменной караулкой и

стражниками. Это и был вход и в имение, и в школу, располагающиеся рядом.

Барат покатил кресло вслед за Туммой, но я остановил его:

— Подожди. Не хочу появляться в таком виде. Наследник дана Дорчариан должен выглядеть сильным и здоровым.

— Но, Оли... — с жаром возразил Барат, но мигом осекся под тяжелым взглядом Остаха.

Я крепко взялся за поручни каталки и с удивительной легкостью поднялся. Видимо, недавний осмотр и массаж Туммы помогли. «Эх, надо бы с креслом что-то придумать», — запоздало подумал я. Пустое кресло, которое катил перед собой Барат, наталкивало на нехорошие мысли: больной, которого везли в каталке, или помер, или его просто вытряхнули в канаву, отобрав диковинку на колесах. Нижняя челюсть Йолташа, которую он продолжал выпячивать, говорила о последнем.

— Тумма! — окликнул я.

Темнокожий гигант остановился и повернул свое удивительное лицо с алой повязкой на глазах в мою сторону. Подойдя ближе, я попросил:

— Поможешь? Надо каталку-кресло припрятать, мы потом заберем.

Тумма помолчал, размышляя. Потом тряхнул головой.

— Сделаю, маленький господин.

— Для тебя я не господин, Тумма. — Я дотронулся до его руки. И почувствовал, как вздрогнул лекарь — то ли от прикосновения, то ли от моих слов. — Зови меня Олтером. Или просто Оли.

— Хорошо, Олтер, — слегка наклонил голову Тумма. — Пойдите.

С этими словами Тумма широкими шагами направился к воротам с высокой кованой решеткой, а мы встали у длинного здания с длинными ступенями. Стражники по обеим сторонам ворот даже не пошевелились, когда Тумма прошел мимо них.

— Присядь пока, — предложил Остах.

Я не стал отказываться и примостился обратно в свое кресло. Огладил удобные деревянные подлокотники, подергал колеса. Они держались крепко, не расшатались; ничего в

механизме не отошло и не оторвалось; спинка, на которую я откидывался всем весом, не скрипела.

«Хорошая каталка получилась», — еще раз огладил подлокотник я.

Надо будет обязательно к колеснику еще раз наведаться. Добрый мастер! Узнать, как его зовут. Спросить, не сильно ли на него надела стража после покушения на горского наследника. При мысли о втором за короткий срок покушении гворча на мою драгоценную жизнь я опять вспомнил о своем несчастном одиноком брате и вновь почувствовал растущее в животе раздражение. Неизвестность и отсутствие новостей угнетали. Где мой мобильный, где мой скайп, где мой интернет, клиббы вас задери!

— Кстати! — обратился я к Остаху. — Ты что, тот стул на колесиках, то уродство умудрился продать?

— Уродство! Скажешь тоже, Оли. Местные толстосумы чуть драку за него не устроили. У них же не только кошелки толстые, но и задницы. А коридоры в госпитале сам видел — дли-и-инные. Задницу-то по таким узким коридорам в паланкине не поносишь, а на стуле с колесиками — самое то! Едешь мимо своих приятелей и поплевываешь!

— И чем драка за трон на колесиках закончилась? — хмыкнул я.

— Какая драка?! — махнул рукой Остах. — На шум пришел серьезный дядька. Военный. Шея — как у матерого секача. Толстозадые мигом заткнулись. Он и купил.

— Сколько? — спросил я.

— Три золотых, — ответил Остах. И подначил: — Что, тоже Буддалу отнести?

— Нет, самому пригодятся, — я чуть не ляпнул про «карманные деньги», забыв, что такого понятия здесь нет. В горских нарядах карманов и вовсе не имелось. А здесь, в Атриане, я встречал пару раз лишь грубые накладные карманы. Выглядели они... Убожество, одним словом. А если нет толковых карманов, то и карманным деньгам неоткуда взяться.

«Не забыть внутренние карманы изобрести», — поставил я про себя галочку.

— Зачем тебе три золотых? — не понял Остах. — Понадобится что — я мигом...

— Наследник дана Дорчариан не должен бегать и просить, Остах, — возмутился я. — Так что разменяй золотой и выдели мне меди и серебра. Всего один золотой, не три!

Остах задумался, но вновь вспомнил, что не такой уж я теперь и маленький. Бубня про себя, он полез в кошель на поясе.

— А что это за здание? — Я мотнул подбородком в сторону Йолташа, который успел усестыся на мраморную ступеньку, ведущую к высоким массивным дверям.

— Провинциальный архив, — не поднимая головы и не отрываясь от пересчета мелочи, ответил Остах. Закончив звенеть монетками, он протянул мне кошель и добавил: — Внутренний двор у архива общий со школой, из него можно войти в библиотеку. Она тоже в здании архива, ее часть. Вход для любого учащегося в библиотеку бесплатный, но посетителей немного. Ученики, как правило, такие ленивые, что... только мухи и библиотекарь ждут тебя. Мухи — клиббы с ними, а вот библиотекарь... — Остах замолчал, дернул нижней губой и продолжил невпопад: — А Эндир одно время в библиотеке дневал. А я — ночевал, — наставительно добавил Остах, покачав указательным пальцем.

Намек Остаха я понял и послушно кивнул. Библиотеку я и без того непременно бы посетил. При моем-то информационном голоде! А вот как дядька мог ночевать в охраняемом здании архива... Я открыл рот, чтобы вызнать у наставника подробности, но меня окликнули.

— Олтер! — раздался громкий голос Туммы.

Я оглянулся. Темнокожий врачеватель вернулся не один. Рядом мялась парочка сопровождающих. Они подошли, и я поднялся.

— Отвезите каталку, — велел им Тумма.

Те низко поклонились и схватились за рукояти, пытаясь приподнять мое кресло. Они что, на закорках его собрались тащить?

— Погодите! — остановил их я, и те послушно встали. — Барат, покажи им, как управлять, — обратился я на дорча к охраннику.

Вскоре довольные слуги весело покатали коляску, радуясь легкому поручению.

— Теперь можно идти, Олтер? — спросил гигант.

— Можно, Тумма, — кивнул я. — Идем.

Когда мы подошли к распахнутым воротам, стоящие по бокам стражники даже не посмотрели в нашу сторону. Воины, что сидели рядом с караулкой, ни на миг не прекратили свой треп.

«Тарх за такое всем бы шею намылил, — подумал я. — Гость я, может, и почетный, но торжественной встречи не наблюдаю».

Непонятно, зачем я отсылал кресло-каталку? Для чего мучился, топал на своих двоих, для кого наряжался... На кого хотел произвести впечатление? Перед воротами никого, кроме стражников, не было. Никто меня не ждал и не встречал.

Видимо, я придал своей персоне слишком большое значение. Нафантазировал себе, что имею вес в местных раскладах. А может, такое небрежение — это тонкий расчет? Небольшое испытание? Поживем — увидим.

— Смотри, Оли, только головой не верти... — Остах зашагал со мной рядом, шепча на дорча. — У ворот разбит фруктовый сад. Видишь? Красиво? Если повернуть налево — то выйдешь к имению. У него тоже парадный вход с площади есть, но им редко пользуются. В обычные дни все ходы-выходы — через эти ворота. А если пойти направо — упрямся в архив, точнее, в библиотеку.

— Нас же прямо ведут... А там что? — так же шепотом преврал я Остаха.

— Правильно. Сейчас мы сквозь сад пройдем и свернем... — он чуть подождал, и когда сопровождающий нас Тумма повернул на перекрестке садовых дорожек, выложенных бордюром и усыпанных белым песком, — направо. Ух ты, как ели-то вымахали, глянь! По плечо же мне были, — дядька покачал головой. И продолжил: — Там будет казарма и особенные дома... Для богачей и таких, как ты.

— Казарма? — не понял я.

— А! — махнул рукой Остах. — Так общее жилье для школьников называют, привыкай. Кто-то когда-то сто лет назад ляпнул языком, вот и приклеилось. Теперь уж не отклеишь.

«Общежитие», — догадался я.

Вскоре увидел само то место, ради которого я здесь и оказался. Двухэтажное строение с высокой красной черепичной

кровлей, длинной колоннадой с галереей арок вдоль стены, выходящее на широкую ухоженную поляну, производило впечатление строгости и уюта одновременно. Чуть в стороне виднелось уютное небольшое здание с большой, выложенной блестящей брусчаткой площадью перед ней. Вдали, за школой, виднелись еще какие-то однотипные постройки и крытая колоннада, ведущая от них прямо к школе.

Ближе к саду прятались в зелени желтые запыленные домишки для особенных учеников, к которым принадлежал и я. Одноэтажные продолговатые здания с тремя входами в каждый — для трех хозяев-квартирантов. На поляне перед ближним домом топтались знакомые рабы с моей каталкой. Увидев Тумму, один из них побежал к лекарю. Он приблизился и торопливо прошептал что-то, вытянувшись перед гигантом на носочках.

— Я оставляю вас, — обратился Тумма. — Дом свободен. Выбирайте комнаты по сердцу и располагайтесь.

Великан слегка поклонился.

— Спасибо! — поблагодарил я.

Тумма мне понравился. Бывает такое, когда к малознакомому человеку проникаешься симпатией. Как раз тот случай. А еще Тумма помог мне встать на ноги, при этом утверждая, что почти ничего не делал. Такое не забывается!

— Отдыхай, Олтер, — ответил врачеватель. — До вечера отдыхай. На ужине ждут тебя. Отдыхай, Олтер, — повторил он. — Береги силы. Вечером нужны будут.

«Это намек? Предупреждение? — подумал я. Тумма странно говорил по-имперски, словно, начав предложение, он терял по ходу приготовленные слова. — Значит, выход в свет все же состоится. Вечером».

Тумма еще раз коротко поклонился и зашагал назад. Устало вздохнув, я уселся обратно в свое кресло-каталку. И стоило слуг гонять туда-сюда? Только сейчас я почувствовал, как дрожат мышцы ног. Темнокожий гигант определенно прав, отдохнуть нужно обязательно!

— Где жить будем, наследник? — спросил Остак.

Я посмотрел на дом перед нами. Выстроен из пористого желтого песчаника, как и многое в Атариане. Простой, с односкатной кровлей. Три отдельных входа, каждый из которых

огорожен и разграничен высокой сплошной стеной вечнозеленого кустарника. У входной двери один оконный проем слева и два справа. Никакого отличия между тремя жилыми частями единого здания я не увидел.

— Мне все равно, — пожал плечами я. — Моя охрана — ваша забота, так что решай.

Трое моих спутников переглянулись, и дядька решительно двинулся в сторону ближайшего входа. Любопытные братья потянулись следом. А я откинулся назад на спинку каталки. Все-таки с точки зрения пользователя — удачная получилась модель! Надо бы непременно заглянуть в гости к колеснику, обязательно! Есть у меня пара мыслей, как нам продолжить сотрудничество.

— Эй, мальчик!.. — послышался шепот сзади, едва мои сопровождающие зашли.

Специально кто-то ждал, не иначе. Я повернул голову. Из высокого раскидистого куста отцветшей сирени выглядывала девочка моих лет. Или чуть постарше. Темные глазенки, блестящие от предвкушения и азарта. Едва заметные веснушки на загорелом лице. Волосы до плеч, заправленные в хвост. Непослушная прядь выбилась из тесьмы, метя в глаз. Лесная фея привычным жестом откинула локон назад. Одета она в обыкновенный для горожан короткий хитон, не скрывающий ободранную коленку.

Я скосил глаза на слуг — те притворились истуканами, слепыми и глухими одновременно.

— А ты что, совсем не можешь ходить, да? Бедняжка... — протянула она. — Как это тебя угораздило? А тебя как зовут? — зачастила девчонка, не покидая, впрочем, своего убежища.

— И вовсе я не бедняжка! — сам от себя не ожидая, возмутился я. — И все я умею! — запальчиво возразил ей и в доказательство поднялся с кресла.

— Ой! Я про тебя слышала: тебя Тумма лечит, правда? Так это он тебя на ноги поставил? — зачастила собеседница.

— Тумма сказал, я сам себя вылечил, а он только помог, — с гордостью ответил я. — Храбрая кровь прогнала плохую кровь!

— Ну да, Тумма так мог сказать, — кивнула девочка, отчего непослушная прядь вновь закачалась перед глазами, а ямочки на щеках заиграли. — Так как тебя зовут?

— Олтер, — ответил я, не смея противостоять этим блестящим глазам и милым ямочкам на щеках. Да и вдруг что нового и полезного узнаю?

— А меня Наула. Я тут прячусь... — успела прошептать местная амазонка.

Вдруг раздался отдаленный гомон, затрещали ветки, и Наула затихла, поворачиваясь в сторону шума. Потом она посмотрела мне прямо в глаза и прижала палец к губам. Затем присела, сделала пару шагов назад и исчезла в густом кустарнике. А я остался стоять на месте и крутить головой.

Вскоре на поляну вывалилась целая компания. Все — мальчишки моего возраста. На первый взгляд — плюс-минус пара лет. Возглавлял их плотный краснощекий парень с рыжеватой кучерявой шевелюрой.

— Эй! — повелительно крикнул он слугам. — Наулу здесь не видали?

Слуги замотали головами и забормотали что-то невнятное. Схватив мое кресло, они резво покатали его вперед, подальше от властных малолеток.

— А ты кто такой? — спросил второй рыжеволосый, такой же толстенький и крепко сбитый, как и предводитель. Судя по внешнему виду, брат первого.

Они походили на маленьких кудрявых бычков. Все остальные, шедшие позади, встали за их спинами. И если большая часть мальчишек привычно заняла свое место за плечами рыжих, то четверо пареньков неловко сгрудились наособицу, чуть в стороне. Чем-то эта четверка отличалась от остальных.

— А ты кто такой? — в свою очередь не стал затягивать я. Чего тянуть? И так понятно, к чему все идет.

— О! Смотри-ка ты!... — удивился первый из рыжих, что постарше. — Он и по-человечески разговаривать умеет! А я-то думал, только на своем быр-тыр-быр может!

Свита за спиной послушно заржала. Весело!

«Да уж, а вот и долгожданная почетная встреча, — вздохнул я. — И ведь не смолчишь. Мужской коллектив, первое впечатление. Не поймут. И где сейчас братья с Остахом? То как репей прицепятся, а когда нужны...»

— Смеяться над чужим языком глупо. Хотя бы потому, что я знаю два языка. А ты сколько?

Смех приутих, и свита опасливо посмотрела на своих рыжих вожаков. Видимо, я попал в точку — умниками ни один, ни второй не были.

— Я ваш козопасовский язык учить не собираюсь! — набычился старший из братьев и сжал кулаки. Младший повторил его движения. — Ты там с баранами в своих горах по-бараньи, наверное, разговариваешь?

Компания за спиной опять заржала. Все, кроме примеченных мною четверых. И что в них не так?

— С баранами я сейчас разговариваю. Только таких рыжих давно не встречал, — спокойно ответил я. Глотать оскорбления не собирался.

Свита потрясенно замолчала, не веря своим ушам. Братья, разойдясь по сторонам, направились ко мне. Я поднял кулаки к вискам и прижал локти к туловищу, встав в стойку. Не к месту зашлась дрожью мышца в левой ноге.

«Только не сейчас!» — внутренне взмолился я, и нога послушно перестала дрожать. Хорошо хоть не опорная!

Старший из братьев подбежал первым, замахиываясь из-за плеча, и первым получил короткий прямой в лицо. Удар вышел смазанным, и меня качнуло назад. Этим воспользовался второй нападающий и достал меня по уху. В голове тут же зазвенело, но я уже сгруппировался и отступил, не дав возможности схватить себя или толкнуть. А отступая, быстренько отоварил и второго братца. И этот удар получился так себе — ни корпус не повернул, ни кулак. Так, ткнул, и все. Удар совсем не поставлен и не отработан. Мозг вроде и посылает сигналы, как действовать, а тело нетренированное и не умеет толком ничего.

«Заниматься, заниматься и еще раз заниматься!» — подумал я, глядя на то, как свора прихлебателей сделала шаг вперед. Вперед ко мне. Собираются навалиться всем скопом на обидчика покровителей. Придется ножичек доставать, а то затопчут.

— Назад! — громко раздалось у меня над ухом.

Я узнал голос Остаха. За шумом схватки я и не расслышал, как он подошел. Это и неудивительно — в голове до сих пор звенело от пропущенного удара, а ухо горело. Хорошо приложился мелкий рыжий паскудник!

— Я тебя велю выпороть на конюшне, козопас! — крикнул старший из братьев, прижимая руку к лицу. Под левым гла-

зом у него наливался красным будущий фингал, грозящий вскоре расцвести ярким цветом. Знай наших!

— Ты как был дураком, так и остался, Гвинд! — раздался вдруг девичий голос. Моя собеседница торжествовала. — Перед тобой, дубина, — гость моего отца, Олтер, сын Рокона, наследник дана Дорчариан!

Я повернулся и увидел девчонку, которая показалась из своего потайного убежища. Ее обвиняющий указательный палец уставился на братьев. Я прижал руки к груди и с признательностью ей поклонился. В ответ она с удивлением и интересом посмотрела на меня. Невдалеке стоял Остак, уперев руки в бока и покачиваясь с пятки на носок. Его внешний вид не обещал ничего хорошего. Пальцем он не тыкал, но смотрел этак... со значением. Йолташ и Барат, выскочив вслед за учителем из дома, стояли на крыльце, растерянные. А что им делать? Не бросаться же в детскую драку!

Переведя взгляд с меня на противников, Остак громко сказал на дорча:

— Драка! В первый же день! Даже вещи не успели перенести! — Он повернулся, махнув рукой. — Идем в дом, наследничек!

Суровый тон меня не обманул. Я успел увидеть мелькнувшее в глазах дядьки веселье и радость, тщательно им скрываемые. Или все-таки показалось?

Где-то в горах рядом с Ойдеттой

Хоар

На душе у Хоара было тревожно. Он ехал верхом, путив шагом умного коня рядом с поскрипывающей повозкой Хродвига, щурился на солнце и думал. Щуриться на солнце и пребывать в размышлениях — обычное дело для Хоара после Суда. После завершения тяжбы, Суда и неперемного пира Хранителя со спутниками вновь ждала дорога. Так было всегда. Обычно Хродвиг с Хоаром ехали молча, думая каждый о своем, — старик в повозке, а Хоар в седле. Этой негласной традиции было много лет. Но сегодня все выходило иначе, хоть и выглядело как обычно.

Когда старик рухнул в злосчастный овраг, Хоар перепугался. Решил, что свершилось. Думал — пришел конец главе

Хранителей. Вроде бы не раз и не два обсуждали, что стоит делать, если Хранитель не проснется. Обычно старик сам и заводил такие разговоры. И Хоару казалось — он был готов. Но после падения в овраг Хродвиг своими словами все переиначил. Произнесенное им все переворачивало вверх дном: прежние договоренности, прежние планы, прежние мечты.

«Сбереги мальчишку, Хоар! Горы трещат. Сбереги... Сбереги наследника... О том не думай... Об имперском не думай...»

Хорошо, что хрипел старик бессвязно. Хорошо, что его никто не расслышал. Разве что мальчишка. Но он не понял и не поймет. О том, что старик сказал после, Хоар запретил себе даже думать. Хватит с него и того, что горы трещат...

Хоар поднял глаза к небу и посмотрел вдаль. За плечами белоснежных пиков на фоне неба Дорчариан клубился черный дым. Хоар не помнил, когда это началось, но вдруг, после очередного поворота дороги, он увидел эту зловещую тучу, и на душе стало муторно. Он помнил рассказы старика про чуму и сожженный Декурион.

Все должно быть по-другому! И Хродвиг — пошли ему сил Мать Предков! — пришел в себя, и пастухи нашлись... Сейчас они с Хранителем возвращались прежней дорогой в Ойдетту, где их обязательно ждал пир. Толстяк староста все-таки вернулся на поляну и, увидев односельчан, даже принялся командовать, пока не попался под горячую руку Хранителя. Хродвиг мигом укоротил его, отправив домой за телегами для раненых. Да и те из прежде пропавших, кто не был ранен, так ослабели, что не быстро одолели бы путь домой. Так что скоро к Гремучей поляне, как успели пастухи прозвать потаенное место, поднимется караван. Как бы половина села не прибежала с родней да домочадцами — встречать кормильцев, которых и не чаяли уже увидеть живыми.

Впрочем, это Хоара не касается. Дело закончено. Суд свершился. Почти. Старик явно что-то задумал по поводу этого имперского чудака, Аскода Гворфа. Задумал, но молчит. Велел инженеру выбрать лучшее из водяных колес, снять его и уложить в арбу. Лишний день провозились, пока все сладили. Ученый вдобавок пристроил и глиняные улы на повозку. И сам на козлы сел, потому как боялся доверить своих «драго-

ценных подружек» постороннему. Как будто кто-то другой в здравом уме сел бы к этим пчелам! Они же злющие!

Хоар оглянулся. Аскод отпустил вожжи — мул размеренно передвигал ноги — и наигрывал простенькую мелодию на своей свирели. Вот у кого все хорошо и кого ничего не беспокоит! Удивительный человек! За спиной ученого странной грудой возвышались водяное колесо и детали механизмов к нему. Замыкали дорогу Второй и Пятый. Эти не дремали — встретились глазами с Хоаром и слегка поклонились. «Все тихо, все спокойно». Парням Хоар доверял, недаром столько палок обломал в свое время об их хребты. Но Хродвиг... Что же у него на уме?

Колесо повозки тихонько скрипнуло и перевалилось через ухаб. Немой недовольно закрихтел. В голове всплыл безобидный детский стишок, который так любили кричать детишки всех горских сел вслед Главе Хранителей:

Скрип-скрип!
Дом на колесах скрипит,
Слышишь?

Хоар подъехал чуть ближе и взглянул в открытое окно повозки. Старик о чем-то тихо говорил. Наследник уставился в открытое окно невидящим взглядом и заворуженно внимал Хранителю, покусывая нижнюю губу. Деревенский дурачок опять забился в угол повозки.

Скрип-скрип!
Правосудие не за горами!

Столько дорог, столько селений и деревушек, одиноких хуторов и пещер; столько споров, дразг, обвинений, поединков... Уже не единожды Хоар сам подхватывал и вел дела Хранителя. Тот сам научил его, молчаливо поддерживая, пристукивая посохом в нужный момент. За годы, что Хоар провел подле Хродвига, он научился думать и судить как Хранитель.

Когда кто-либо призывал Суд Хранителей, а Хродвиг начинал дело — Хоар уже понимал, как и куда повернуть, кого спросить, о чем умолчать. За годы жизни бок о бок со старейшим жителем гор он узнал о родословных даипов, о хитро-сплетениях горских интриг, о тяжбах между соседями, тяну-

щихся поколениями. Узнал тайны рождений и смертей, узнал много того, чего знать не стоило — слишком опасно. Уж в чем в чем, а в тайнах и крови Хоар теперь разбирался отлично.

Хоар еще раз посмотрел на мальчика. Ули открыто встретил его взгляд и улыбнулся.

«Слишком он маленький для этих гор. Слишком маленький для этих гор и камней, для холода, ветра и слез. Для этих тайн и крови».

Ултер что-то увидел в глазах Хоара, отвернулся и насутился.

«Впрочем, кровь данов — не тайна ли сама по себе? Сколько может весить эта тайна, раз маленький мальчик так просто и незаметно несет ее? Может, и я справлюсь?»

Хоар вновь против воли подумал о запретном — и оттолкнул от себя опасную мысль прочь, как можно дальше. Он подъехал еще ближе к повозке и вслушался в слова Хродвига.

— ...откуда пришла эта девушка, никто не помнил. Но красоты она была удивительной! Никто от нее глаз не мог отвести. Молодые люди бились за право обладать ею, мужья отказывались от жен, мечтавшие ввести ее в семью. Уже погибло немало славных воинов, а решить, кто же будет обладать красавицей, не могли. А та только куталась в свой яркий платок и смеялась. Как серебряный колокольчик звенел. И ни одного слова никто от нее не услышал! Но горцу от красавицы ведь не слова нужны, верно? — заухал Хродвиг, довольный своей шуткой, но закашлялся.

Хоар пустил коня совсем рядом. Эту историю от старика он еще не слышал. Хранитель откашлялся и продолжил, по-прежнему не открывая глаз:

— И вот уже третий день продолжался бой, а все не могли определить, кто же самый достойный. И тогда огляделись воины вокруг, увидели, сколько славных мужей погибло, — и ужаснулись. А красавица все смеялась своим серебряным смехом.

И обратились тогда мужчины к старейшинам, чьи головы были седые, как вершины гор. Но когда старцы увидели красавицу и услышали ее смех, и в них вскипела кровь и възглаго ретивое.

Тогда женщины племени решили убить красавицу. Ночью, когда утомленные воины спали, они вооружились ножа-

ми и отправились в дом, где жила красивая путница. Но та ждала их на площади у колодца, кутаясь в свой платок.

«Зачем же в руках своих держите вы ножи?» — спросила девушка.

Голос ее гремел, как гремит обвал весной в горах. Сверкнула молния, ударив в дерево за спиной девушки. Дерево вспыхнуло, как факел, и стало светло, как днем. Все мужчины проснулись и выбежали на улицу.

«Вот как вы решили поступить! Убить меня!» — Голос ее был таким страшным и пронзительным, что женщины побросали в пыль свои ножи и прижали к ушам ладони.

— Это была Йотль?.. — прошептал Ули.

— Эта была Йотль, — кивнул Хродвиг. — Решила она так испытать жителей этого села, но те не прошли ее испытания. И она наказала их.

— Убила всех? — опять спросил мальчик.

— Нет. Плюнула себе под ноги и исчезла. Жители вздохнули с облегчением, решив, что беды их позади. Но не тут-то было. Сами они с той ночи онемели, а земля перестала принимать мертвых, когда они начали хоронить своих павших в уособице воинов.

— Как это «перестала принимать»? — удивился Ултер.

Хродвиг раздраженно стукнул посохом в днище повозки.

— Выталкивала мертвецов. И тогда стали жители строить дома для мертвых и складывать тела там...

— Так это Город мертвых! — догадался мальчик, подпрыгнув. — И деревня молчальников рядом! Нам Байни про них рассказывала.

Хоар почувствовал вдруг, что во рту совсем пересохло и стало трудно дышать. Сделав глубокий вздох, он спросил:

— Хранитель, зачем ты рассказал эту легенду?

Хродвиг, услышав голос Хоара, открыл глаза и повернул к нему бледное лицо. На лбу уродливым росчерком чернела замазанная целебной смолой царапина. Хродвиг долго молчал, уставившись блеклыми глазами на верного помощника. А потом ответил:

— Должен же мальчик знать, куда мы направляемся...

— Но нам же надо ехать в Пайгалу... — заторопился Хоар. — И твой дом на колесах не пройдет...